
РЕЦЕНЗИИ

Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and employment behaviour / Ed. by Sara Ashwin. London: Routledge, 2006. 228 p. ISBN 0-41534-960-5.

Адаптируясь к новому российскому рынку труда: гендер и стратегии занятости / Под ред. Сары Эшвин. Лондон: Рутледж, 2006. 228 с. ISBN 0-41534-960-5.

В 2006 году в издательстве «Рутледж» вышла новая книга о России 1990-х годов под редакцией Сары Эшвин, представляющая результаты лонгитюдного исследования, проведенного под ее руководством группой российских исследовательниц с 1999 по 2001 годы в Москве, Самаре, Сыктывкаре и Ульяновске. Тематика статей, составляющих книгу, отражает различные аспекты трудоустройства и занятости мужчин и женщин в 90-е годы XX века в России.

В первой главе книги дается описание основных структурных характеристик человеческого капитала на рынке труда — социально-демографических характеристик мужчин и женщин трудоспособного возраста. Как утверждает С. Эшвин, сформировавшиеся нормы и модели трудового поведения россиян были непредсказуемыми для западных экспертов начала этапа реформ. Популярностью пользовались тогда две гипотезы. Во-первых, многие эксперты предрекали, что женщины станут основными жертвами трансформаций — безработица будет иметь женское лицо (эта гипотеза поддерживалась и многими российскими исследователями). Однако в реальности уровень женской безработицы был ненамного выше уровня мужской. Во-вторых, предполагалось, что женщины добровольно покинут рынок труда, поскольку требование советского государства о всеобщей занятости ушло в прошлое. Тем

не менее женщины остались на рынке труда и создали новые ниши малого бизнеса. Таким образом, оба этих предсказания оказались неоправданными. В то же время,

...мужское преимущество на рынке труда выражалось в том, что мужчины зарабатывают больше: женщины зарабатывают в среднем только 60–70 % от среднего заработка мужчин. За время реформирования рынков труда мужчин заняли более доходные сферы труда, ранее считавшиеся женскими, такие финансы и банки, и вытолкнули женщин в «бюджетный», наиболее бедный сектор [С. 3].

Завершая обзор основных характеристик трудового человеческого ресурса, С. Эшвин отмечает очевидный парадокс:

Советские тренды продолжают: женщины сохранили свое присутствие на рынке труда, но мужчины оставили или даже усилили свое превосходство в сфере занятости. Вместе с тем мужчины раньше умирают и больше пьют, что не может говорить об их общественном успехе.

Поэтому ставится цель — «изучить социальные процессы, которые лежат за этими трендами, и посмотреть на адаптацию мужчин и женщин к новому российскому рынку труда». И эта цель достигается за счет рассмотрения разных аспектов трудового поведения и факторов, его предопределяющих.

Так, во второй главе «Постсоветский гендерный порядок: императивы и последствия», написанной С. Эшвин, рассматриваются гендерные нормы, которые превалировали в постсоветской России и то, каким образом они влияли на стратегии трудоустройства мужчин и женщин [С. 27]. Анализируются если не идеальные, то признаваемые и одобряемые в обществе образы «мужественности» («настоящий мужик») и «женственности» («работающая мать»), основанные на исторически сложившихся в народе гендерных идеологиях, и роль этих образов в структурировании гендерных различий трудового поведения россиян. Подробно описываются смыслы, стоящие за понятием «добытчик» как одной из характеристик преуспевающего мужчины. Вместе с тем большинство изученных женских историй показывает, что женщины продолжают демонстрировать свою высокую мотивацию к занятости и оплачиваемому труду, поскольку они видят в этом не только экономическую независимость, но и решающую роль своего дохода в выживании домохозяйства. Это же подтверждают и высказывания мужчин: «Сейчас ситуация такая, что добывание дохода для семьи — это общая задача всей семьи. Один человек не может содержать всю семью...» [С. 45].

Основной тезис третьей главы, названной «Сегрегация и дискриминация по признаку пола на новом российском рынке труда России», И. Козина и Е. Жидкова формулируют в первом предложении: «наши

респонденты показывают, что рынок труда имеет ярко выраженную сегрегацию по признаку пола» [С. 57]. И далее в этой главе показываются определяющие факторы сегрегации – международные нормы, российское законодательство, стереотипы «женской» и «мужской» работы среди работодателей и сотрудников. Тезис о гендерной «сконструированности» профессий подтверждается второй частью этой главы, где показывается, как в процессе трансформации рынков труда происходили и трансформации профессий и их гендерной окраски. Речь идет о вытеснении женщин из профессиональных областей, которые стали приобретать более весомый статус, таких, например, как финансист и бухгалтер. Или же об уходе женщин из технических профессий, таких, как инженер, программист, электромеханик в сферу обслуживания в силу того, что женщины легче «расставались» с таким профессиональным статусом ради поиска более оплачиваемой работы в сфере обслуживания, но при том и менее статусной.

В четвертой главе «Трудовое поведение и ориентации» С. Эшвин, И. Козина, И. Попова и Е. Жидкова рассматривают разные типы ориентаций на труд – профессиональную, инструментальную и социальную. Ранжирование собранных 240 ответов респондентов показывает, что женщины в большей степени ориентированы на социальное взаимодействие (что в интервью определяется как «хороший коллектив на работе»), а мужчины – на деньги и доход. Однако и мужчины, и женщины почти в равной степени ценят свой профессионализм. При этом личные истории респондентов показывают, что мужчины в большей степени «привязывают» свою идентичность к профессии и дольше остаются в профессиональной сфере, даже если она ограничивает его доход, тогда как женщины легче находят пути к компромиссной смене профессиональной деятельности, поиску дополнительных источников дохода либо уходу из профессии. Как утверждают авторы, этому способствуют и социальные нормы. У мужчины есть «личная потребность поддерживать свой профессионализм, и есть жесткое социальное требование выполнять функцию добытчика». Женщины же рассматриваются как «второстепенные» добытчики, и поэтому «им легче уходить в менее оплачиваемые профессии без опасений за свой статус в домохозяйстве» [С. 101].

Пятая глава раскрывает гендерные различия в стратегиях трудоустройства. С. Ярошенко, Е. Омельченко, Н. Гончарова и О. Исупова выделяют два типа стратегий трудоустройства – ориентированные на достижения и ориентированные на защищенность. Авторы прослеживают, как следующие факторы, такие как уровень мобильности, образование и умения, возможности вторичной занятости, надежность государственных пособий – формируют эти два типа стратегий. Анализ статистических данных RLMS показывает, что в 1990-е годы женщины были более мобильны в поиске и смене работы, нежели мужчины. И эти

данные скорее объясняются теми причинами, которые были описаны в предыдущих главах. Другие факторы — это образование и специальные навыки. Как показали данные, за время проведения исследования (с 1999 по 2001 год) женщины в большей степени, чем мужчины, улучшили свои квалификационные навыки. Вместе с тем мужчины сохранили более высокий статус. Авторы этой главы говорят о том, что при поиске новой работы и трудоустройстве женщины легче относятся к изменению оплаты труда и статусу, тогда как мужчины легче относятся к изменениям в продолжительности рабочего дня и готовы работать дольше для поддержания своего статуса или дохода [С. 143]. Мужчины также более активно, чем женщины, ищут дополнительные виды занятости, движимые ролью «добытчика» в семье.

В шестой главе И. Тартаковская и С. Эшвин рассказывают о том, какую пользу приносят социальные сети. «В России, — пишут они, — поиск работы через знакомых, по блату или через связи рассматривается как нормальный и естественный путь к успеху» [С. 164]. Рассматривая гендерные различия в использовании социальных сетей мужчинами и женщинами, авторы статьи приходят к выводу, что женщины получают больше поддержки от своих социальных сетей, чем мужчины. «И эта поддержка, хотя может и не оказывать столь разительное влияние на их судьбы на рынке труда, может все же защитить женщин от разрушающей деморализации» [С. 165].

И, наконец, последняя глава «Критические события жизни и нисходящие траектории», написанная М. Ильиной, показывает, что кроется за ошеломляющими цифрами, представленными С. Эшвин во вводной первой главе:

Реформы предполагали драматическое увеличение бедности и незащищенности. Именно в этот момент уровень мужской смертности стал сильно снижаться¹. Если в 1989 году он составлял 64,2 лет, то в 1994 году — 57,5 лет [С. 1–2]... В 2001 году уровень суицидов среди мужчин трудоспособного возраста был в 8 раз выше, чем среди женщин того же возраста [С. 3].

М. Ильина идентифицировала события, которые повлияли на формирование нисходящих траекторий в биографии изучаемых людей; в данной главе рассматривались собственные проблемы со здоровьем, болезни близких, пьянство и алкоголизм, разводы и служба в армии, а также то, как в эти моменты срабатывали гендерные стереотипы и нормы. Например, было отмечено, что проблемы со здоровьем среди мужчин предопределялись такими гендерными нормами, как «умение настоящего мужчины рисковать и преодолевать боль» — это приводило

¹ Речь идет о средней продолжительности жизни. — *Прим. ред.*

к хроническим болезням или «умение пить и не пьянеть» — это приводило к алкоголизму. Исследование показало, что «женщины имеют больше способностей переносить сложные моменты жизни, и это помогает объяснить то, что хотя они и беднее, чем мужчины, они оказались менее подверженными деморализации и алкоголизму, приводящим к ранним смертям» [С. 211].

Данная книга оставляет глубокое впечатление от пережитых россиянами процессов экономической, социальной и культурной трансформации, но, однако, создает ощущение прожитого, прошедшего времени. Важно отметить, что исследование опирается на результаты полевого исследования, проведенного пять-семь лет назад. И поэтому дает возможность оценить не только социологический вклад данной работы, но и ее уже историческую ценность. Вместе с тем стоит надеяться, что прекрасный слаженный исследовательский коллектив (что немаловажно, как следует из данного исследования, для женщин-профессионалов) возьмется за продолжение своего лонгитюда и опишет динамичные процессы на рынке труда — практики трудовых отношений, организационные культуры, новые социальные нормы и модели поведения.

Ольга Борисовна Савинская
канд. социол. наук, старший научный сотрудник
Института социологии РАН
электронная почта: savinskaya@gmail.com
